

Лун Юй внимательно слушал, ожидая, что Му Цинли продолжит, но тот замолк. Юй поставил чашку на стол.

— И что дальше?

— На этом всё, — Му Цинли сжал чашку обеими руками, словно пытаясь согреться, но чувствовал лишь холод обожжённого фарфора. — Разве в историях не говорят, что влюблённые в конце концов обретают счастье?

— Ты разве не знал, что счастливые финалы в книжках — сплошной обман? — Лун Юй иронично приподнял бровь. — Всё это выдумки. Никто не может жить одной лишь «истинной любовью». Любовью сыт не будешь. — Он слегка склонил голову набок, размышляя. — Жизнь смертных — это череда мелких хлопот: дрова, рис, масло, соль... Даже самая прекрасная юность увядает под гнётом лет, а величайший талант склоняется перед необходимостью добывать кусок хлеба. Реальность всегда жестока.

— Можешь считать, что мой финал — как раз из тех, прекрасных, — тихо произнёс Му Цинли. Возможно, именно такого исхода он и желал.

— Будь это правдой, ты бы сюда не пришёл, — Лун Юй покачал головой, в упор глядя на собеседника. — Ты сам сказал вначале, что это печальная история. Так в чём же её печаль?

Му Цинли замялся, выдавив горькую улыбку:

— Неужели ты не считаешь, что сама участь Небежденного ребенка уже...

Он не договорил. Лун Юй с сухим стуком поставил чашку на стол, оборвав его на полуслове. Странно — как такой человек, как Юй, мог допустить подобную неосторожность?

В то же мгновение Цай Ань поднёс новую чашу — сделанную из цельной морской раковины. Необработанная, грубая снаружи, она покоилась на подставке из створки перламутрового гребешка. Лун Юй взял её и начал медленно переливать чай. Золотистая струя тонкой нитью потекла в недра раковины.

— Не считаю. Мне лишь жаль.

— Жаль чего? — машинально спросил Му Цинли.

— Жаль, что небесное благословение было потрачено впустую, — Лун Юй вернул раковину на стол. На этот раз — абсолютно бесшумно. — Такие кубки я привёз из одного приморского царства. Тамошние жители почитают их как «поминальные фонари». Но прежде чем стать светильником для мёртвых, раковина служит свидетелем брачного обета. Использовать её после смерти — значит подтвердить клятву, данную на всю жизнь.

Му Цинли понурил голову и долго молчал. Когда он снова поднял взгляд, его пепельные волосы рассыпались по лицу, придавая ему вид глубоко несчастного человека.

— Моё имя Цинли — созвучно со словом «разлука».

Лун Юй молча ждал продолжения.

— Дни, проведённые с Июанем, были самыми счастливыми в моей жизни. Я знал, что он не такой, как я, но не мог заставить себя оттолкнуть его. Хотел быть рядом, хотел прожить с ним вечность, хотел... — Он под чёрной вуалью прослезился. — Я погубил его.

— Что произошло? — голос Лун Юя оставался бесстрастным, почти холодным.

Му Цинли мучительно нахмурился.

— В тот день... я велел ему уйти из Долины Жо. Он наотрез отказался. Сказал, что скорее умрёт. И тогда я... я... — Он нахмурился ещё сильнее, словно в памяти возник провал. — Я убил его. Его предсмертный лик стоял у меня перед глазами, снова и снова, одно и то же мгновение... И я выколол себе глаза.

Он говорил об этом ровным тоном, будто пересказывал чужую, безразличную ему историю.

— Почему ты хотел, чтобы он ушёл? — спросил Лун Юй.

— Почему? — Му Цинли, казалось, окончательно запутался в собственных мыслях.

— И если он не желал умирать, зачем было его убивать? — Лун Юй небрежно откинулся в кресле. — Ты ведь так любил его. Как у тебя поднялась рука?

— Да... я так любил его... — В голове Цинли клубился густой туман, скрывая истину.

— И последнее, — медленно произнёс Лун Юй. — Ты — Небежденный ребенок. Как ты смог покинуть Долину Жо?

— Я... — Му Цинли впал в оцепенение. Он пытался вспомнить, но не мог. — Я не знаю.

Лун Юй выпрямился и протянул руку, чтобы сорвать чёрную повязку с его лица.

— В восьми тысячах ли отсюда нет места под названием Горы Миньшань.

Ткань упала. Под ней оказались совершенно целые, неповреждённые глаза. Му Цинли вздрогнул, ослеплённый внезапным светом, и часто заморгал. Увидев, что Лун Юй загадочно улыбнулся, он затаил дыхание и прошептал:

— Вы совсем не похожи на человека.

— Я и не человек.

Старинная курильница, невесть как оказавшаяся перед Лун Юем, вдруг задымилась, хотя её никто не поджигал. Из неё повалил густой фиолетовый дым. Он не поднимался вверх, а закручивался спиралями, приковывая к себе взгляд Му Цинли.

Внезапно из этого марева соткался исполинский змей — изумрудно-зелёный, с единственным рогом на голове. Он метнулся вперёд, раскрыв пасть с частоколом ядовитых клыков. Му Цинли не почувствовал запаха крови — лишь тонкий аромат благовоний. Змей стремительно рос, заполняя собой всю комнату, и прежде чем Цинли успел хотя бы шелохнуться, чудовищная пасть сомкнулась, проглатывая его целиком.

— А-а-а!

Му Цинли вскрикнул и резко сел. Он был весь в поту, взгляд блуждал в пустоте, пока чья-то рука ласково не коснулась его щеки.

— Цинли, что случилось? Кошмар приснился?

Перед ним было лицо Му Июаня. Над ними — знакомый синий балдахин кровати. Цинли моргнул и крепко прижал к себе Июаня.

— Да... очень страшный сон.

— Цинли, твои глаза... — Июань в изумлении уставился на него.

— Что с ними?

— Они стали чёрными.

Слой призрачного кристального блеска исчез. Му Июань впервые видел истинный цвет его глаз — живой, глубокий чёрный, такой же, как у него самого.

На столе в лавке бесшумно застыл пустой кубок-раковина. Золотистый блик рогатого змея мелькнул и погас.

Дым над каменной курильницей всё ещё вился. А-Мо во все глаза наблюдал, как облако дыма, поглотившее Му Цинли, втянулось обратно.

— Э-это... как это понимать?! — он даже заикаться начал.

— Жаль. Такой талант, и зарыт в землю. Горы Миньшань — воистину гиблое место, — Лун Юй опустил руку в дымную завесу. Когда он вытянул её обратно, на ладони лежали два ярко-фиолетовых кристалла, по форме и размеру напоминавшие человеческие глаза.

— Господин, это же великое благодеяние, — Цай Ань склонился перед хозяином. — Только вам такое под силу.

— Нужны мне эти «благодеяния», — фыркнул Лун Юй с явным пренебрежением.

— Тогда зачем вы помогли ему? — Цай Ань знал, что его господин отнюдь не страдает излишним милосердием.

— Всего лишь сделка. Взаимная выгода, — Лун Юй с улыбкой поигрывал кристаллами.

— И всё же мне кажется, что вы остались в убытке, — Цай Ань покосился на камни, не видя в них ничего особенного.

— Я никогда не остаюсь в убытке, — Лун Юй ослепительно улыбнулся. Если он считал вещь достойной, то и приплатить сверху не считал потерей. — Совсем не в убытке.

А-Мо про себя подумал: «Ну и причудливый же у него характер!»

— У тебя есть возражения против того, как я балую своего супруга? — донёсся сонный голос. Яи, щурясь от света, спускался по лестнице. Он тут же обхватил Лун Юя со спины и потёрся щекой о его щеку. — Поцелуй меня.

Лун Юй метнул в А-Мо такой взгляд, что тот чуть не подпрыгнул. Оболтус понял, что ляпнул лишнее вслух! Он хотел было сбежать, но под ледяным взором Юя не смел шевельнуться — знал, что если сейчас скроется, смерть его будет долгой и мучительной.

— Почему ты проснулся? — Лун Юй мягко коснулся лица Яи.

— Не могу спать, когда моего сокровища нет рядом, — Яи навалился на него всем телом,

капризничая. А-Мо аж передёрнуло.

Святые небеса! Владыка Преисподней... ластится как кот! Уму непостижимо!

— Ха, боишься, что я сбегу? — рассмеялся Лун Юй и быстро поцеловал его в щёку. — Тут дело подвернулось, не мог же я упустить такую вещицу! — Он раскрыл ладонь, демонстрируя кристаллы.

Яи взглянул на них вскользь и поцеловал веки супруга:

— Твои глаза всё равно красивее. Моё сокровище — прекрасней всех на свете.

— Сладкие речи, — притворно возмутился Лун Юй, хотя улыбка его стала ещё шире.

— Разве? — Яи облизал губы. — Совсем нет. Не веришь — проверь сам.

С этими словами он накрыл губы Лун Юя своими. Поцелуй был нежным, тягучим. Лун Юй разомлел, зажмурился и обвил шею Яи руками, отвечая с неожиданной страстью. Он впустил чужой язык, позволяя тому властвовать, пока дыхание не сбилось окончательно.

А-Мо, глядя на эту сцену, только и мог, что нервно дёргать глазом. Хоть бы о чувствах окружающих подумали!

Он искал поддержки у Цай Аня, но тот невозмутимо протирал тряпкой фарфоровые чашки на полке, одну за другой. На ласки господ он не просто не обращал внимания — он воспринимал их как нечто само собой разумеющееся. А-Мо окончательно выпал в осадок от такой выдержки.

Когда любовный порыв немного утих, Лун Юй уже сидел на коленях у Яи, тяжело дыша. Он смотрел томно, а его лицо покраснелось. Яи, раззадоренный его видом, прижал супруга к себе, и он начал блуждать руками по талии Лун Юя. Тот несильно ущипнул его за запястье.

— Перестань, сейчас день.

— Днём нельзя, значит, ночью можно? — прошептал Яи прямо в ухо, обжигая горячим дыханием. Лун Юй невольно вздрогнул от нахлынувшей дрожи. — Можно? Можно? Можно? — Яи не унимался, прикусывая мочку уха и продолжая разжигать искры внизу живота.

Лун Юй совсем обмяк, лицо его стало пунцовым.

— Можно... — пролепетал он так тихо, что Яи едва не набросился на него прямо здесь. Юй

попытался оттолкнуть его, но его напускной гнев лишь добавил ему очарования.

В тот момент, когда Яи был готов окончательно превратиться в хищника, Цай Ань, выждав идеальную паузу, подал голос:

— Господин, на полке освободилось место. Что поставить вместо того кубка?

Кровь отлила от головы Яи. План «соблазнение» с треском провалился.

Он в ярости зыркнул на этого несносного мальчишку! Осквернитель моментов! Неужели он не понимает, что прерывать свидание Владыки — это прямой путь к... Впрочем, этот парень и так застрял в вечности при Лун Юе. Какая досада!

Яи посмотрел на пустующее место и замер:

— Сокровище, ты отдал «Фамин»?

— Не продал, а обменял. Он обрёл своего владельца, — Лун Юй снова показал кристаллы. — Нам этот кубок ни к чему, а для него это спасение. Обмен на эти «Очи» того стоил. Без этой реликвии его кошмары рано или поздно стали бы реальностью. — Он пожал плечами. — Мы просто получили то, что было нужно обоим.

В воздухе прямо над ними материализовался огромный, алый цветок маньчжюсака. Лепестки раскрылись, обнажая сердцевину. Лун Юй бережно опустил кристаллы внутрь. Чаша цветка тут же наполнилась кристально чистой водой, в которой переплелись две тёмно-пурпурные нити. Мгновение — и они растворились, а лепестки сомкнулись.

— Сокровище, ты сделал это ради меня? — Яи возбуждённо округлил глаза.

Лун Юй притворно нахмурился, отпихнул его и направился к лестнице.

— Нет! — Глупец! Спрашивать такие очевидные вещи! Ради кого же ещё?! — Не желаю с тобой разговаривать!

Юй гордо зашагал вверх, а Яи, спохватившись, бросился следом, подобострастно заглядывая в лицо:

— Сокровище, я виноват, виноват! Ты у меня самый лучший! Конечно, ради меня! Не сердись, а то у меня сердце рывается!

— Хм! — Лун Юй даже не обернулся. Яи внезапно подхватил его на руки и рванул на второй

этаж.

— Ах ты скотина! Средь бела дня! Пусти меня! — возмутился Юй, колотя его по спине.

— Всё в порядке, я знаю, что ты просто стесняешься. Муж тебя понимает, — раздался сверху наглый голос Яи.

— Какое ещё «стесняешься»! Ничего ты не понимаешь! Отпусти! А-а-а! Сволочь!..

Дальше их голоса смолкли за дверью спальни.

Цай Ань продолжал заниматься делом. Пустое место на полке подождёт, пока у господина найдётся время.

А-Мо стоял внизу с отвисшей челюстью.

Что он сейчас услышал? «Фамин»! Реликвия сансары, великий артефакт превращений — и это была та старая раковина?! «Если она тебе не нужна, отдал бы мне! Я бы для своей А-Ци перерождение выхлопотал! Чтобы жила в достатке из века в век!»

Стояла прямо перед носом, а он... упустил.

— Тебе с ней не по пути, — коротко бросил Цай Ань. Неизвестно, имел ли он в виду артефакт или хозяина лавки.

Но А-Мо в тот момент ничего не понял.

Снаружи всё так же неспешно шёл дождь. Под карнизом мок красный бумажный зонт. А в углу лавки пыль от разбитого флакона смешивалась с землёй. Ветра не было, лишь прах на полу — всё, что осталось от сна, который исчез без следа в момент пробуждения.

<http://bllate.org/book/17533/1706973>